

СТРАТЕГИЯ ДЛЯ ОБЩИННЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ: ЭМОЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Сьюзан М. Рецинджер и
Томас Дж. Шефф*

Краткое изложение: *Общинные конференции являются новой формой работы с преступлениями в западных обществах. Эта процедура возникла первоначально в Новой Зеландии: вместо судебного разбирательства правонарушитель проходит через альтернативную систему, в рамках которой устраивается встреча жертвы, правонарушителя и всех заинтересованных лиц с целью достижения соглашения по данному делу. В Австралии конференции широко представлены в работе как с несовершеннолетними, так и со взрослыми преступниками. Они используются также в образовательных учреждениях для разрешения проблем, связанных с правонарушениями учащихся. В этой статье излагаются те препятствия к примирению жертвы и правонарушителя, которые могут возникнуть на общинной конференции. Процесс символического возмещения менее понятен и очевиден, чем простая материальная компенсация. Есть существенная разница между агрессивными эмоциями, такими, как злоба и негодование, которые могут иметь разрушительный характер, и эмоциями, проявление которых делает человека ранимым и уязвимым. Среди последних можно назвать стыд, горе и страх; выражение участниками именно таких эмоций может стать ключом к их примирению.*

Основой для данных заметок стало, главным образом, наше наблюдение над работой девяти общинных конференций, которые были проведены в городах Канберра, Аделаида и Кэмпбелтаун (Австралия) в декабре 1994 года. Определенное влияние на написание этой статьи оказали также опубликованные работы Брейтуэйта и его коллег (Braithwaite, 1989, Braithwaite and Mugford, 1994; Moore, 1993), а также личные беседы с Брейтуэйтом, Терри О'Коннелл, Джоном Макдоналдом и Лэрри Шерманом. Идея и форма конференций произвели на нас мощное впечатление. Мы полагаем, что конференции - инструмент правосудия и способ достижения справедливости. В некотором смысле независимо от того, что происходит во время официальной конференции, все же возникает движение по направлению к примирению и восстановлению справедливости.

Процессы материального и символического возмещения происходят на общинной конференции бок о бок. Процесс, связанный с материальным возмещением, приводит, в конце концов, к соглашению: участники достигают договоренности относительно тех действий, которые необходимо предпринять, чтобы компенсировать жертве и обществу ущерб, причиненный преступлением. Процесс достижения такого соглашения проходит

на словесном уровне. Он, по большей части, однозначен, происходит у всех на глазах и является явной целью встречи. Но за достижением соглашения скрывается менее заметный процесс – процесс символического возмещения. В него вовлечены социальные ритуалы уважения, вежливости, извинения и прощения, которые действуют, похоже, независимо от достигнутой словесной договоренности. Символическое возмещение зависит от динамики развития эмоций и состояния социальных связей между участниками встречи. В данной статье предпринимается попытка прояснить суть эмоциональной динамики на конференции, а также динамики развития отношений между участниками, поскольку эти процессы более сложны и неоднозначны, чем достижение словесного соглашения. Осознание динамики стыда и преодоление этого чувства являются ключевыми моментами для успешного проведения конференций.

Идеальный результат, с точки зрения символического возмещения, состоит из двух шагов. Сначала правонарушитель ясно выражает стыд и искреннее раскаяние в своих действиях. Жертва, в ответ, предпринимает, по крайней мере, первый шаг на пути к прощению правонарушителя. Эти два шага можно назвать *«восстановительными действиями»*. «Восстановительные действия» способствуют воссозданию разрушенных преступлением отношений между жертвой и правонарушителем. Воссоздание этой связи символизирует более значительное восстановление в сравнении с тем, которое произойдет между правонарушителем и другими участниками, полицией, общиной. Несмотря на то, что эмоциональный обмен, составляющий основу *«восстановительных действий»*, может быть весьма кратким (возможно, несколько секунд), именно он является ключом к примирению, удовлетворению жертвы и снижению количества повторных преступлений.

«Восстановительные действия» оказывают свое влияние также и на соглашение о возмещении ущерба. За примирением на эмоциональном уровне, как правило, следует достижение соглашения, которое удовлетворяет всех участников. Условия такого соглашения являются скорее неизбежными, чем слишком суровыми или слишком легкими для правонарушителя. Без наличия *«восстановительных действий»* путь к соглашению полон препятствий: какое бы соглашение ни было достигнуто, оно не снижает общего напряжения и оставляет участников с чувством неудовлетворенности. В связи с этим, чрезвычайно важно, по крайней мере, уравнивать в значимости символическое возмещение и соглашение о материальной компенсации. Если этого не сделать, конференции, в конце концов, окажутся лишь немногим лучше традиционного судебного процесса. Символическое возмещение является неотъемлемым составным элементом общинных конференций, который и отличает их от других способов контролировать преступность.

Однако во время девяти конференций, на которых мы были наблюдателями, «восстановительные действия» - важнейшая составляющая часть символического возмещения – так и не были предприняты. Во всех девяти случаях нами были отмечены трудности, напряженность, а также несдержанность участников в попытках достигнуть соглашения. В трех из девяти случаев необходимое движение от стыда и раскаяния к прощению все же могло произойти сразу после формального окончания конференций. В двух случаях, ожидая бланки для подписания соглашения, жертвы беседовали с правонарушителями. В третьем случае, ведущий, который провожал участников к выходу из здания, сообщил, что пострадавшая потрепала одного из правонарушителей по плечу, после того, как он со слезами извинился перед ней. Эти три примера говорят о том, что устраивать искусственные задержки после официального окончания конференции до, например, подписания письменного соглашения может быть полезным: это позволило бы участникам завершить неоконченное дело символического возмещения. Искусственно созданные задержки, которые дают участникам возможность «взглянуть со стороны» на события формальной части конференции, вполне могут стать значительной частью процесса возмещения. Крайняя сложность конференций и высокий уровень эмоционального напряжения создают необходимость в таком взгляде в значительном количестве случаев, а возможно, и в большинстве. В большой части ситуаций даже опытному и высококвалифицированному ведущему может оказаться трудно преодолеть препятствия на пути к символическому возмещению. Символическое возмещение, в отличие от соглашения по возмещению ущерба, полностью зависит от динамики эмоций участников и отношений между ними. Этой динамикой управляют два момента. Во-первых, это умение справиться с главенствующей эмоцией - стыдом, причем не только правонарушителя и его представителей, но и всех других участников, включая ведущего. Во-вторых, это степень взаимоидентификации и понимания на конференции, т.е. состояние отношений между участниками. Динамика социальных связей на конференции столь же важна, как и стыд, но основное внимание здесь все же уделяется динамике чувства стыда. Поскольку мы рассматриваем эмоции и социальные связи между участниками на конференции как эквивалентные, параллельные феномены, наши предложения касательно стыда легко можно перевести в область отношений между участниками. Символический результат конференций зависит от умения справляться со стыдом: высокая вероятность символического возмещения напрямую связана с тем, насколько стыд и близкие чувства будут осознаны и признаны участниками. И, наоборот, вероятность символического возмещения понижается настолько, насколько участники отрицают стыд и близкие ему эмоции.

СТЫД КАК ГЛАВЕНСТВУЮЩАЯ ЭМОЦИЯ

Сложно говорить о динамике развитии чувства стыда из-за того, что в западном обществе стыд – понятие очень ограниченное и само это чувство всячески подавляется и сдерживается (Sheff, 1990; Retzinger, 1991; Sheff and Retzinger, 1991; Sheff, 1994). Такое подавление является одновременно и причиной и следствием процветающего индивидуализма. Эти идеи нашли документальное подтверждение в авторитетной работе Илиаса (Elias, 1983), посвященной историческому развитию современной цивилизации. Илиас использовал отрывки из европейских нравоучительных сборников за последние пять столетий для того, чтобы продемонстрировать, каким образом чувство стыда подвергалось постепенному, но постоянному подавлению. Сама идея того, что человеку может быть стыдно оттого, что ему стыдно, создает понятие «замкнутой цепочки» стыда, которой и объясняется механизм подавления. На подавление указывает также и тот факт, что в современных и традиционных обществах существует различное отношение к стыду. В современных языках, особенно в английском, понятие «стыд» крайне узко и носит исключительно негативный характер. В английском языке понятие «стыд» имеет значение позора, мучительного эмоционального переживания. В других европейских языках существует как стыд в смысле позора (ср. французское “*honte*”), так и стыд в позитивном, более легком смысле (ср. французское “*pudeur*”). Такой «позитивный» стыд связан с застенчивостью, скромностью и (по крайней мере, в древнегреческом) с благоговением. Пример слова “*humility*”^{*} из-за его связи со словом “*humiliation*”^{**} доказывает, что однажды, возможно, в английском языке существовало некоторое положительное понимание стыда. Но в современном английском языке слово “*humility*” утратило какую-либо связь со стыдом.

Узость и негативный смысл понятия «стыд» в современных обществах становятся еще более очевидными при сравнении с той лексикой, связанной с этим понятием, которая существует в традиционных обществах. Так, в мандаринском наречии китайского языка эта лексика более многообразна (Shaver *et al.*, 1992). Словарный состав мандаринского наречия, связанный с различными эмоциями и переживаниями, включает в себя большое количество слов, в которых сочетаются понятия стыда и злобы и которые не имеют эквивалента в английском языке. Лексика, связанная со стыдом, в традиционных обществах намного шире. В отличие от индивидуализма в современных обществах, представители традиционных обществ более чувствительны к социальным отношениям, что требует от

* скромность; смирение (англ.)

** унижение; оскорбление (англ.)

них осознания и принятия чувства стыда. Скудость такой лексики в западных языках, в особенности в английском, говорит, вероятно, о сокрытии или игнорировании большинства форм стыда.

В том случае, если мы хотим проследить закономерности и динамику развития чувства стыда, нам необходимо извлечь его из тисков подавления и умалчивания и, тем самым, восстановить позитивные грани и широту этого понятия. Положительные аспекты стыда были исследованы Lynd (1958), Tompkins (1963), Schneider (1997). Характерное в своем роде утверждение предлагает Линд: «Уже тот факт, что стыд является очень личным, изолирующим переживанием, означает также и то, что, найдя способ поделиться этим чувством и рассказать о нем, человек сможет обрести особую близость с другими людьми ...» (1958, р. 66). Идея, заключенная в этой цитате, имеет чрезвычайную важность для общинных конференций: если правонарушитель готов «поделиться своим чувством и рассказать о нем», вместо того, чтобы скрывать или отрицать его, это означает, что возможность восстановить разорванную связь между правонарушителем и другими участниками все же существует.

Для успешного проведения конференций очень важно также вернуть действительную широту понятию стыда, поскольку это чувство в том или ином его проявлении испытывают все участники встречи. Правонарушителя перед всеми обвиняют в проступке, и, естественно, что он испытывает стыд. Его представители стыдятся, поскольку имеют к правонарушителю какое-то отношение. Жертва испытывает стыд, связанный с пережитым насилием и ощущением собственного бессилия и беспомощности. Представители жертвы разделяют с жертвой такой стыд в той степени, в которой они себя с ней отождествляют. Чувство стыда, которое участники маскируют или скрывают, является помехой для восстановления социальной связи между ними и препятствует, таким образом, символическому возмещению. Рецинджер (Retzinger, 1991) разработала систематическую процедуру, позволяющую определять наличие чувства стыда вне зависимости от того, как глубоко оно скрыто и чем замаскировано. Суть этой процедуры в работе с визуальными, вербальными и невербальными подсказками, которые предоставляет поведение участников. Для того чтобы замечать чувство стыда в себе и других, современному человеку необходима переподготовка, связанная с языком, на котором говорит стыд, и, в первую очередь, с языком жестов и косвенных намеков.

Из работ Линда (Lynd, 1958), Томпкинса (Tompkins, 1963), Гоффмана (Goffman, 1967), Льюиса (Lewis, 1971) и других мы вынесли понятие о стыде как о большой группе чувств и переживаний. Наше собственное определение включает положительные аспекты стыда (то, что Шнайдер называет «ощущением стыда, стыдливостью»), а также такие понятия, как смущение, унижение, застенчивость, неловкость, чувство дискомфорта, неадекватности, отсутствие безопасности и недостаток уверен-

ности. Особенным образом мы подчеркиваем взаимосвязь стыда и злости, выделяя отдельно, как это делается и в мандаринском наречии китайского языка, так называемые «петли», или «замкнутые цепочки» стыда и злости. Предлагаемое нами представление о стыде значительно шире, чем то, которое используется в современном английском: оно приобретает ту широту, которой это понятие обладает в традиционных обществах.

Наиболее подробное исследование стыда можно обнаружить у Метге Метджа (Metge, 1986) в работе, посвященной изучению “*whakamaa*” – понятию стыда у маори. “*Whakamaa*” означает «стеснительный», «смущенный», «неуверенный», «неадекватный», «неспособный», «испуганный», «обиженный», «подавленный» или «пристыженный». За исключением «испуга» (страха) мы используем слово стыд приблизительно в том же значении. Но примеры, приведенные Метге, свидетельствуют, однако, что «испуганность» у маори предполагает не чувство страха за жизнь и здоровье, но именно страх социального свойства, связанный с ожиданием возможного стыда. Так же, как и стыд в английском языке, понятие “*whakamaa*” связано не только с чувствами людей, но и с отношениями между ними. У маори, к тому же, особым образом подчеркивается и необходимость признать испытываемый стыд, и те разрушительные последствия, к которым может привести отсутствие такого признания.

В связи с определенным отношением к стыду (подавлением) с точки зрения эмоций и социальных отношений проведение общинных конференций в современном обществе может оказаться более сложным процессом, чем проведение таких же конференций у маори или в других племенных общинах. Для передачи различных эмоций, чувств и отношений большинство традиционных обществ обладает обширным и чутким к мельчайшим оттенкам языком, который мы, на Западе, утратили. Понимание стыда в его позитивном, широком и относительном смысле может стать важным моментом в подготовке ведущих общинных конференций. Каким образом краткая подготовка может значительно изменить отношение к индивидуализму и подавлению стыда – тем понятиям, на которых возвращено современное общество? Обсуждение динамики развития чувства стыда – это попытка внести вклад в решение этого вопроса.

Для работы общинных конференций чрезвычайную важность представляет теоретический вопрос о различии между патологическим и нормальным стыдом. Для эффективного контроля над преступностью необходим скорее нормальный (реинтегрирующий) стыд, чем стыд патологический (Braithwaite, 1989). Обращая особое внимание на то, в каком виде стыд проявляется, возможно постепенно, шаг за шагом выявить различия между этими двумя формами стыда, возникающими в процессе человеческого общения. Согласно нашей теории, проявления нормального стыда, хотя и неприятны, но по времени кратки и занимают всего несколько секунд. Стыд, злость и подобные чувства являются патологическими, если

проявляются в течение многих минут. Стыд – переживание, способное к постоянному возвращению, что может привести в определенных случаях к «замкнутым цепочкам» стыда: человеку стыдно, потом ему стыдно того, что ему стыдно и так далее по цепочке, в конце которой может быть самоизоляция (замыкание в себе) или депрессия. Возможна и другая «замкнутая цепочка»: человек злится из-за того, что испытывает стыд, и испытывает стыд из-за того, что злится, и так снова и снова. По таким «замкнутым цепочкам» могут развиваться как чувства одного участника, так и чувства участников друг к другу. Негодование, испытываемое одним человеком, может передаться другому или вызвать ответное негодование, что приведет в результате к взаимным нападкам. Движение по этим «замкнутым цепочкам» может продолжаться бесконечно долго. Настойчивое, неудержимое проявление таких эмоций, как смущение, возмущение, негодование и ненависть, всегда свидетельствует об их патологическом характере.

Стыд играет важную роль в обычных человеческих отношениях, равно как и в конфликтах. Стыд сигнализирует о наличии угрозы социальным отношениям, и, таким образом, определяет положение человека в этих отношениях. Подобным образом гордость свидетельствует о наличии здоровых, устойчивых отношений. Стыд является эмоциональным аналогом непрочных или поврежденных отношений, точно так же, как неустойчивые отношения являются источником стыда. Это тождество позволяет перевести язык стыда в язык отношений, и *наоборот*. Гоффман (Goffman, 1976) утверждает, что нормальный стыд и чувство неловкости являются практически постоянными спутниками любых человеческих отношений. Именно поэтому видимое проявление стыда правонарушителем в процессе символического возмещения принимает такие большие размеры. Когда мы замечаем признаки стыда или смущения в других, мы способны понять, что они такие же люди, как и мы, и здесь уже не имеют значение ни язык, ни культурная обстановка, ни обстоятельства. Основным препятствием для успеха общинных конференций является преодоление узкого взгляда общественности на стыд. Впереди также и обучение ведущих умению замечать стыд в себе и других и справляться с его проявлениями.

Пути к символическому возмещению: переформулировать негодование и выявить скрытые болезненные эмоции

Для того чтобы выразить свой стыд и искреннее раскаяние, преступник должен находиться в состоянии «абсолютной незащитности», если воспользоваться суггестивной терминологией Мура (Moore, 1993). Подобное утверждение делает и Тавукис (Tavuchis, 1991), говоря об успешном принесении извинений. Правонарушитель должен полностью отдалиться на милость жертвы, обнажив все свои скрытые переживания. Эта задача определенной сложности, поскольку современный человек редко находится в состоянии абсолютной незащитности даже наедине с самим собой и, тем

более, в обществе других людей. Каким же образом правонарушителю преодолеть последствия подавления эмоций в присутствии участников, которые сами с силой подавляют свои собственные истинные эмоции? Основной путь к этому может лежать через переформулирование (рефрейминг) негодования, направленного на правонарушителя. Вторая возможность – вызвать хотя бы одного из участников, как правило, жертву или ее представителя, на открытое выражение особенно болезненных переживаний, которые вызвало правонарушение (O’Connell, personal communication). Эти два пути связаны между собой: рефрейминг негодования может привести к выражению скрытых болезненных эмоций.

Негодование является особенным проявлением стыда и злобы. Наиболее вероятно, что именно жертва будет испытывать стыд от собственной беспомощности, бессилия, от ощущения предательства и покушения на собственную безопасность, вызванных преступлением. Однако такой стыд человек, как правило, не признает, но прячет его под маской злобы. Постоянные, повторяющиеся проявления злобы, направленной на правонарушителя, являются удачной защитой от собственного чувства стыда. Именно чувство стыда, в существовании которого человек не признается, способствует многократному возникновению вспышек возмущения и негодования по поводу случившейся несправедливости. Если признать наличие стыда (а также и других скрытых эмоций – страха, горя), то гнев и возмущение, направленные на правонарушителя, будут относительно недолгими и управляемыми.

Несмотря на важность других переживаний, особое значение имеет именно негодование, поскольку, по нашим наблюдениям за проведением конференций, наиболее сильны и часты были проявления как раз этого чувства. Хотя две конференции в этом смысле можно считать исключением. Первый случай был связан с вождением автомобиля в нетрезвом состоянии. Подавляющим эмоциональным движением на этой конференции было постоянное отрицание вины и правонарушителем, и его представителями. Этот правонарушитель не был слишком отдален от других участников (отстранен), но скорее, наоборот, был к ним слишком близок (поглощен). Еще одним исключением был случай с незаконным использованием транспортного средства. Преступление было скорее формальным, поскольку правонарушительница, когда садилась в автомобиль, не знала, что он был украден. Доминирующим чувством на данной конференции было смущение, которое испытывали не правонарушительница и ее мать, но ведущий встречи, офицер, который произвел задержание, и мы – наблюдатели. На остальных семи конференциях главенствующей эмоцией было негодование, направленное на правонарушителя (ей). Со стороны ведущего требуются определенного рода чувствительность и умение, для того чтобы распознать это чувство и направить его в другое русло. Негодование по поводу незаслуженной несправедливости состоит из стыда и злобы. Причем,

злоба – это, как правило, видимая часть, заметная окружающим. Если негодование проявляется многократно, она является той маской, за которой прячется чувство стыда. Стыд тщательно скрывается человеком, и не только от себя самого, но и от других людей. Чувство злобы, беспомощности, бессилия и ощущение насилия над собственной личностью, которые не покидают жертву, являются указанием на наличие скрытого стыда.

Стыд как основной эмоциональный груз, который несет в себе негодование по поводу человека совершенной по отношению к нему несправедливостью, скрыт даже в словарных определениях, в которых подчеркивается лишь злоба как основная часть такого негодования. Если мы все же хотим этот скрытый компонент стыда обнаружить, необходимо проанализировать само понятие «совершенная несправедливость». Очевидно, что несправедливость по отношению к человеку подразумевает унижение, ущерб достоинству этого человека. Лабов и Фэншел (Labov and Fanshel, 1977) пунктирно указывают на основные признаки самоуверенного негодования, когда говорят о том, что они называют, «бессильной злобой» (злоба-стыд). Именно это чувство испытывала одна из объектов их исследования, Рода, по отношению к своей тетушке Эдите: «... она [Рода] настолько переполнена эмоциями по поводу неразумного поведения Эдиты, что даже не в состоянии начать четко его описывать» (р.191). Далее в этом же отрывке, пытаясь описать симптомы бессильной злобы, Лабов и Фэншел продолжают использовать такие термины, как беспомощное раздражение и саркастическое раздражение. То, как Рода выражалась, подразумевало, по их мнению, что нарушение Эдитой общепринятых стандартов кажется ей таким огромным, что его нельзя передать словами.

Такое описание «бессильной злобы» близко по сути к тому самоуверенному негодованию, которое мы наблюдали на конференциях. В особенности это касается термина «раздражение» и идеи о том, что человек, испытывающий бессильную злобу, чувствует себя не в состоянии выразить огромные размеры правонарушения, совершенного другим. И дело здесь не в том, что человек чувствует себя не в состоянии сделать что-то, а в ощущении, что правонарушение настолько огромно, что описать его не сможет никто. Это ощущение того, что с эмоциями невозможно справиться, и объясняет подавление истинных внутренних переживаний, с которыми связаны внешние эмоциональные проявления. Использование термина «сарказм» указывает на еще один аспект негодования: человек считает, что огромные размеры правонарушения настолько очевидны, что присутствующие должны испытывать (но не испытывают) по этому поводу те же самые чувства, что и он сам. Сарказм направлен не только на правонарушителя, но и на присутствующих, которые недостаточно гневно относятся к произошедшему правонарушению. Повторяющиеся вспышки негодования препятствуют взаимоидентификации, не дают жертве и правонарушителю почувствовать, что значит быть на месте другого, и мешают тем самым со-

зданию устойчивых отношений между ними. Такие вспышки мешают также взаимоидентификации жертвы и остальных участников. Участники отдаляются друг от друга настолько, что негодование – замкнутая цепочка злости и стыда – заполняет всю конференцию.

В данном анализе заключен основной момент, связанный с возможностью управлять негодованием участников. Проявления злости необходимо преобразовывать таким образом, чтобы скрытые за ней эмоции (стыд, горе, страх) вышли на поверхность и от них можно было избавиться. Если человек не признается в том, что испытывает чувство стыда, вспышки возмущения и негодования, скорее всего, будут продолжаться без остановки, не принося ему никакого облегчения (Sheff, 1990; Retzinger, 1991; Sheff and Retzinger, 1991; Sheff, 1994). Выявление и переформулирование такого негодования являются первостепенными составляющими элементами успешного проведения конференций.

Повторяющиеся бесконтрольные вспышки праведного негодования можно рассматривать как оборонительный процесс, состоящий из двух этапов: отрицание собственного стыда, за которым следует перенос вины на правонарушителя. «Во мне нет ничего бесчестного, а вот правонарушитель совершенно бесчестен». Для того чтобы идентифицировать себя с правонарушителем, участники должны скорее замечать свое сходство с ним, чем видеть различия. Неконтролируемые повторяющиеся вспышки негодования являются наиболее серьезным препятствием к символическому возмещению. Насколько удастся направить их в иное русло, настолько это сможет подстегнуть участников к «восстановительным действиям», ведущим к возмещению.

Спираль стыда/гнева могут проявляться не только в виде праведного негодования, но и в других формах. Такие формы, как самоуверенный гнев (Hogowitz, 1981) или «гнев себялюбца» (Kohut, 1971), редки на конференциях. Они, как правило, более сильны в своих проявлениях, чем негодование; также больше вероятность того, что они приведут к словесным оскорблениям или физическому нападению. Непризнанное чувство стыда как часть праведного негодования ближе к поверхности, и до него легче добраться с помощью умело задаваемых вопросов.

Два типа праведного негодования

На тех конференциях, где мы были наблюдателями, негодование проявлялось в двух формах: более громкой и заметной – самоуверенное негодование, и более тихой и скрытой – демонстрация собственного нравственного превосходства. Самоуверенное негодование наиболее часто и бурно выражали жертвы, а также, в некоторых случаях, представители жертвы и даже представители правонарушителя (в особенности родители правонарушителя). Проявления этого чувства заметны в том, что произносится, а также, еще более сильно, в том, как это произносится и в каком

контексте. Например, жертвы на конференции в Канберре по случаю мошенничества забросали правонарушителя требованиями вернуть деньги одному пострадавшему и помочь защитить репутацию другому. Не только слова обеих жертв, но также манера, в которой они выражались, говорили об их уверенности в собственной правоте и непогрешимости, а также указывали на ощущение предательства со стороны правонарушителя, недоверие к нему и чувство злобы и бессилия, которые они испытывали. Настойчивое повторение этих требований без учета ответов правонарушителя, плач жены правонарушителя, попытки ведущего и офицера полиции вмешаться – все это ясно сигнализировало о крайнем негодовании, переживаемом жертвами. Лабов и Фэншел (Labov and Fanshel, 1977) предположили, что неоднократное повторение требований (особенно, когда ответы на них не принимаются во внимание) может быть, по крайней мере, раздражающим, а в некоторых случаях – действительно оскорбительным. Такое повторение, так или иначе, подразумевает неуважение к другому человеку: получается, что либо негодующий человек не слушает правонарушителя, либо правонарушитель не слушает его, либо, что более сильно, правонарушитель лжет.

Самоуверенное негодование также бурно и часто проявлялось на конференции в Кэмпбеллтауне по делу с проникновением в дом и кражей. В этом случае свое негодование выражали не только жертва, но и родители правонарушителя. Явное негодование жертвы приняло форму тотального недоверия и сомнения: не столько в том, что преступление могло быть совершено против нее, сколько в том, что правонарушитель способен на такое деяние. Если говорить о родителях, то их сомнения касались больше того, что их дети вообще могут быть замешаны в таком, а точнее – того, что они (родители) вовлечены в подобную конференцию. Родители на конференции в Канберре по делу магазинной кражи также косвенно выражали недоверие относительно того факта, что их сын может быть вором. Все, что ими говорилось, казалось, отдаляет их от правонарушителя – их собственного сына. Было похоже, что они совсем не те люди, которые могут по какой-то причине попасть в полицейский участок. Сомнения, ситуация, когда человек с трудом верит, что произошло, является основным видимым признаком, указывающим на самоуверенное негодование.

Другая, более скрытая форма негодования также проявлялась достаточно часто, особенно со стороны полицейских (в виде лекций правонарушителю). На конференциях в Аделаиде, за проведением которых мы наблюдали, присутствующий офицер полиции постоянно давала правонарушителям какие-то нравственные поучения. Такая тактика свидетельствует о нравственном превосходстве, которое испытывает поучающий по отношению к правонарушителю и которое, в свою очередь, угрожает их взаимной идентификации и разрушает возможную социальную связь между ними. На одной конференции даже ведущий присоединился к общему хору: он

прочитал правонарушителям длинную лекцию о совести. В таких нотациях тоже обычно содержится угроза, что скорее разрушает, чем создает социальные отношения. В угрозе подразумевается, что правонарушитель – человек безответственный и нуждается во внешнем стимулировании для того, чтобы вести себя нормально. В случаях, когда происходит взаимои-дентификация, необходимость в угрозе отпадает.

В Аделаиде полицейский, произведший арест, постоянно угрожал правонарушителям судом. На конференции по проникновению в дом и краже офицер полиции сначала была крайне уважительна по отношению к преступнику и внимательна к его правам. Это проявлялось в ее словах и манере говорить, когда она сообщала о сути преступления. Но позднее, по ходу конференции, возможно, потому что, по ее мнению, преступник недостаточно очевидно выражал стыд и раскаяние, ее поведение стало весьма эмоциональным. Она прочитала правонарушителю лекцию о том, как глупо было нарушать закон, и уверила в неизбежности строгого наказания. На данном этапе такой всплеск эмоций свидетельствовал о самоуверенном негодовании, а также о чувстве нравственного превосходства, которые она испытывала.

На той же самой конференции жертва ограбления выражала негодование, а также, вероятно, и пережитое ею чувство насилия над личностью. Это проявлялось в постоянных упоминаниях о ключах, замках и запорах в ее доме, а также о тех вещах, которые были украдены. Какое-то время она говорила о том, как был найден украденный ключ, как сложно менять замки и как дорого это может стоить. Этот монолог, вместе с разговором о материальных убытках, занял значительную часть времени на конференции. В данном случае, как, возможно, и в нескольких других, опытному ведущему следовало бы прервать проявления негодования, интерпретировав их как выражение ощущения беспомощности, предательства и потери личной автономии. В деле с мошенничеством (и в некоторых других), от ведущего потребовалось бы мастерство и уверенность в собственных силах для того, чтобы «идти против общего течения». Может оказаться необходимым сначала позволить участникам излить негодование, направленное на правонарушителя. Но важно также, чтобы ведущий умел определять повторные волны негодования и вовремя находить для них другие формулировки.

Скрытый стыд как составная часть негодования

Возмущение одной из жертв совершенной несправедливостью в случае школьного вандализма было настолько косвенным, что с ним было трудно справиться даже опытному ведущему. Данный пример иллюстрирует тот факт, что стыд, который стоит за возмущением, человек скрывает не только от других, но и от себя самого. Жертва - «Фред Джонсон» - человек средних лет, работает учителем в школе, где был совершен акт вандализма. Этот акт заключался в том, что на стенах школы спрей-краской

были нарисованы надписи об учителях ругательного характера. Джонсон был основной жертвой, поскольку в отличие от других учителей, которые имели по одной надписи в свой адрес, он имел три:

Джонсон – старое чучело.

Мистер Джонсон сосет у мистера Смита (еще один учитель).

Мистер Джонсон – лысый хрен.

Автор этих надписей был неизвестен. Правонарушитель признался в том, что написал на стене лишь одно предложение – то, которое намекало на интимную связь между двумя учениками. После неоднократных вопросов он заявил все же, что не знает, кто является автором надписей про учителей. Ведущая была, похоже, некоторым образом озадачена присутствием господина Джонсона на конференции, поскольку, как она поняла, он должен был прийти только в том случае, если директор школы сам не сможет присутствовать на встрече. Джонсон сначала отрицал, что был оскорблен случившимся. Он пояснил, что преподает так долго, что «такие сплетни для него как с гуся вода». Джонсон и дальше продолжал отрицать нанесенное ему оскорбление. Он заявил, даже несколько вызывающе, что преподаватели, несмотря на то, что думают о них ученики, на самом деле держатся вместе и выручают друг друга. Джонсон сказал, что один из его коллег позвонил ему и сообщил о появившихся надписях, для того чтобы они не стали для него сюрпризом и не застигли врасплох.

В этих заявлениях, равно как и в его присутствии на конференции, ощущалась какая-то ненужность. Казалось, что в них нет никакой надобности и что они адресованы в воздух, скорее чем направлены конкретному человеку. Отрицая собственную обиду, Джонсон перешел к косвенным словесным оскорблениям правонарушителя. Он заявил, что, разговаривая с учениками, он говорит им, что такого рода клевета является подлостью и трусостью. Джонсон оскорблял правонарушителя, но лишь косвенно, поскольку не называл его малодушным подлецом прямо, хотя и подразумевал это. Он еще трижды повторил, что ученики, совершившие такие действия, – никто иные, как трусы и слабаки, действующие за чужой спиной. Мать правонарушителя, в свою очередь, почувствовала необходимость опровергнуть обвинение в трусости. Она заявила, что ее сын не может быть трусом, потому что играет в сборной по регби!

Слова господина Джонсона и его манера выражаться предполагали наличие спирального развития стыда и гнева. Он, похоже, был унижен этими ругательствами, но не признавался в этом ни себе, ни другим. Например, заявление типа «я был расстроен и оскорблен этими надписями» могло бы стать шагом на пути признания им собственного стыда. Он же, наоборот, отрицал, что оскорблен, и пытался также косвенно словесно оскорбить правонарушителя. Вместо того, чтобы выразить те чувства стыда и злобы, которые он испытывал, Джонсон обижал своего возможного обидчика. Этот цикл оскорблений и ответных оскорблений не несет в себе

положительного свойства, он является основой всех деструктивных и бесконечных конфликтов (Retzinger, 1991; Sheff, 1994).

Негодование – разновидность бессильной злобы (замкнутая цепочка стыда и злобы). Основной проблемой, связанной с таким негодованием, является тот факт, что при частом повторном проявлении оно может повредить потенциально существующую связь между правонарушителем и возмущающимся участником. Потоки грубости и непочтительных замечаний могут способствовать появлению у правонарушителя желания защищаться, что полностью противоречит целям символического возмещения. Эта проблема может носить скрытый характер, поскольку зачастую правонарушитель с самого начала пытается изображать хладнокровие и спокойствие. Хотя за этими попытками и скрывается чувство стыда, они, к сожалению, способны вызвать у участников злость в качестве защитной реакции. Таким образом, возникает порочный круг. Основная задача ведущего – задавать такие вопросы, которые проникают сквозь оборонительные позиции, занятые участниками. Конференции, в этом смысле, поддерживают равновесие между злобой участников на правонарушителя и их уважением к нему, между укорами и реинтеграцией. Один из способов внести в поддержание такого равновесия определенный вклад – это расширить формулу, которая используется для того, чтобы разграничить правонарушителя и правонарушение. Возможно, просто сделать такое абстрактное разграничение недостаточно. В некоторых случаях все вокруг может кипеть негодованием. Тогда, после того как было обличено само правонарушение, может понадобиться попросить представителей правонарушителя назвать какие-либо его положительные качества. Ведущий потом подводит итог всем этим позитивным высказываниям, для того чтобы сделать различие между «плохим» правонарушением и «хорошим» правонарушителем более выпуклым. Осуществление этой тактики потребует от ведущего определенного умения и осторожности, поскольку может вызвать враждебность со стороны жертвы и ее представителей. Такая первоначальная поддержка способна помочь правонарушителю оставаться эмоционально открытым перед лицом негодования. Возможно, если с самого начала для правонарушителя создавалось бы такое пространство, он, несмотря даже на любые эмоциональные реакции участников, менее ощущал бы потребность защищаться.

Стимулирование к выражению скрытых болезненных эмоций

Переформулирование (рефрейминг) негодования дополняет еще одна тактика (O'Connell, personal communication, 1994). Правонарушитель может выразить стыд и искренне раскаяние, даже если все это время он защищался от праведного негодования участников. Если один или несколько пострадавших, или их представители, выражают свои скрытые

болезненные переживания (например, горе), это может «обезоружить» правонарушителя. Он может воспринять их боль как свою настолько, что желание защищаться у него пропадет. После всего этого правонарушитель выкажет искренний стыд и раскаяние, которые необходимы для того, чтобы в жертве зародились ростки прощения. Подтверждает это пример одной из пострадавших, которая выражала крайнее негодование в течение всей официальной части конференции. Однако когда правонарушитель со слезами извинился перед ней, она потрепала его по плечу, что было шагом на пути к прощению. Именно по этой причине на первое место в организации и проведении конференций О'Коннелл (O'Connell, personal communication, 1994) ставит эмоции и переживания. Основное внимание ведущего должно быть сосредоточено на том, чтобы создать условия, при которых жертва, правонарушитель и другие участники могли бы осознать, выразить и разделить друг с другом болезненные переживания (например, горе и стыд). Однако О'Коннелл говорит, в основном, о том эмоциональном наборе, который включает в себя именно болезненные, но не агрессивные эмоции (например, гнев и злость). Цель ведущего заключается в том, чтобы способствовать открытому выражению первых и направлять в новое русло последние. Если прервать человека в излиянии агрессивных эмоций и переформулировать их, это может привести его к выражению скрытых болезненных переживаний, что, в свою очередь, подтолкнет участников к «восстановительным действиям». Сосредоточенность на эмоциональных переживаниях участников, важность которой подчеркивала О'Коннелл, и предложенная нами сосредоточенность на чувстве стыда позволяют определить целый ряд тактических действий по преодолению препятствий на пути к символическому возмещению.

1. *Пусть ведущий сам организывает ту конференцию, которую будет вести.* Ведущий должен лично позвонить каждому из участников, включая тех, которые были приглашены жертвой или правонарушителем. Необходимо, чтобы у ведущего еще до конференции установилась определенная связь с каждым из участников. Такую связь можно установить уже по телефону. Ведущий выясняет относящуюся к делу, нужную информацию, которая потом обязательно будет зафиксирована в каких-либо документах. Он помогает устранить обстоятельства, которые мешают человеку присутствовать на конференции или принимать в ней полное участие. Также возможно предотвратить участие в конференции тех, кто потенциально способен саботировать возмещение. С помощью такого телефонного звонка ведущий может также получить информацию об уровне эмоциональной открытости каждого из участников. Важнейшая цель телефонного звонка в том, чтобы начать процесс формирования связей и отношений, которые необходимы для успешного проведения конференции. Для того чтобы конференция способствовала выражению скрытых болезнен-

ных переживаний, необходимо наличие устойчивых связей, по крайней мере, между несколькими участниками.

2. *Максимально увеличьте количество участников.* Необходимость сделать это прямым образом связана с эмоциями и переживаниями. Чем больше людей присутствует, тем больше вероятность того, что хотя бы один из них окажется эмоционально открытым и сможет, даже в ситуации общего напряжения, выразить свои скрытые болезненные переживания. Большее количество участников открывает больше возможностей для возникновения взаимоидентификации, а также способно компенсировать ошибку ведущего. Выражение болезненных переживаний, вызванных преступлением, как правило, подталкивает участников к «восстановительным действиям» - последовательности раскаяния и прощения. Большое количество присутствующих на конференции и личные телефонные звонки каждому из них потребуют у ведущего терпения и необходимости жертвовать своим временем. Нужно хорошо понимать причины и цели этих тактических действий, для того чтобы использовать их с успехом.

3. *Задавайте жертвам и их сторонникам вопросы о том, каковы были их первые чувства в связи с преступлением.* Самыми первыми чувствами, скорее всего, будут такими болезненными переживаниями, как горе, страх и стыд (проявляющиеся в виде беспомощности и бессилия). Как правило, эти первые чувства сразу же скрываются за злобой и негодованием. Однако опытный ведущий может помочь жертвам признаться самим себе в тех первых чувствах, которые они испытали после преступления. Такое признание облегчит их страдания. Выражение жертвами мучительных переживаний способно оказать значительное действие и на правонарушителя, поскольку оно открывает внутреннее «я» жертв – таких же обиженных и страдающих, как и сам преступник. Нельзя недооценить важность выявления первых чувств жертвы, связанных с преступлением.

4. *Проведите конференцию как можно раньше после совершения правонарушения.* Любая значительная задержка во времени, вполне вероятно, сократит набор выражаемых на конференции переживаний или вызовет другие проблемы. После длительного перерыва конференция уже не станет кульминационным моментом в развитии событий и не оправдает ожиданий, поскольку связанные с преступлением эмоции уже утихнут или найдут какое-либо разрешение. Задержка перед конференцией в Аделаиде на период в три месяца имела разрушительные последствия. В деле было три правонарушителя, которые обвинялись по двум различным случаям хулиганских разрушений в школе. Впоследствии, уже после этих правонарушений один из правонарушителей напал на другого. Задержка с проведением конференции отделила правонарушителя, совершившего нападение, от двух других. За прошедшие перед конференцией три месяца два правонарушителя уладили отношения с администрацией школы, их родители решили, как возместить причиненный школе ущерб. Эти действия послужили

ли еще большей изоляции того правонарушителя, который ущерб не возместил. Реабилитация двух правонарушителей стала фактическим осуждением третьего. Стремясь к реинтеграции двух мальчиков, участники конференции, исключая ведущего, практически «линчевали» третьего подростка. Зная ведущий о событиях, прошедших за эти три месяца, он не ограничился бы единственной конференцией. Он бы устроил одну конференцию для двух мальчиков (или, может быть, отменил бы ее вовсе), а другую – для третьего ребенка. Если не проводить конференции своевременно, их ход может быть подорван событиями, произошедшими за период ожидания.

5. *Признайте отсутствие необходимости в стремлении намеренно стыдить правонарушителя.* Сам формат проведения общинных конференций автоматически ведет к тому, что правонарушитель испытывает чувство стыда. На нескольких конференциях, когда правонарушителям задавали вопрос, почему они не взяли с собой друзей для поддержки, те отвечали, что не хотели, чтобы друзья об этом знали. Таким образом, еще до начала конференции им уже было стыдно. Большинство людей чувствуют смущение, когда на них направлено общее внимание, пусть даже это внимание вызвано каким-то хорошим поступком. И уж каждому будет неловко в ситуации, когда общественное внимание вызвано проступком. Принимающие форму непрерывного негодования попытки намеренно пристыдить правонарушителя приносят ненужный элемент в конференцию. Получается, что лишний стыд искусственно насаждается на уже заложенное в формат конференции пристыжение. Особенность этого формата заключается в наличии автоматического инструмента внушения стыда. Поскольку этот автоматический элемент скрыт и не находится на поверхности, он скорее всего не вызовет в правонарушителе желания защищаться. Чувство стыда может возникнуть у правонарушителя спонтанно. Но так как формат конференции уже прочно связан для правонарушителя со стыдом, даже незначительные попытки сверх этого пристыдить человека, подтолкнут его к уходу в столь глубокую оборону, что он уже не сможет не почувствовать, не, тем более, выразить ни стыд, ни искреннее раскаяние.

6. *Обеспечьте обсуждение только конкретных последствий правонарушения.* Попытки участников пристыдить правонарушителя, ссылаясь на возможные, но косвенные последствия его правонарушения, могут произвести обратный эффект. Примеров таких попыток было множество. В деле о вождении автомобиля в нетрезвом состоянии – это использование видеоматериалов, демонстрирующих результаты автомобильных аварий, и людей, ставших жертвами таких аварий. На конференции по делу о мошенничестве – обращение следователя к общему размеру убытков от так называемых «интеллектуальных» преступлений. В случае с надписями на стенах в школе – слова директора, который свалил в кучу множество надписей, говоря всего лишь об одной, сделанной правонарушителем. Лю-

бой правонарушитель будет отрицать такие обобщенные последствия как не имеющие лично к нему никакого отношения, подготавливаясь в процессе отрицания к необходимости защищаться. Эмоциональное воздействие на правонарушителя способно оказать лишь упоминание о тех конкретных последствиях, которые напрямую связаны с его правонарушением. Именно в этом и кроется причина попыток найти жертву среди сторонников правонарушителя в случаях, связанных с вождением автомобиля в нетрезвом состоянии. Утрата рассудительности, которая приводит к тому, что человек садится за руль после чрезмерного потребления спиртного, имеет также обычно и другие последствия для близких правонарушителя. Получив поощрение ведущего и заручившись его поддержкой, люди, пришедшие с правонарушителем, скорее всего, смогут высказать свои переживания по этому поводу таким образом, что донесут до правонарушителя, насколько разрушительным является его поведение. Упоминание об утрате рассудительности – тактический ход, но не ярлык, который следует публично навешивать на человека. Ведущий по собственному усмотрению может искать или не искать жертву среди представителей правонарушителя, но, сделав это, он может выявить травмы, причиненные поведением правонарушителя тем, кто пришел его поддержать. В этой идее есть одна сложность, которая заключается в том, что на поверхности иногда оказываются те аспекты поведения правонарушителя, которые необязательно являются в строгом смысле незаконными. Так, например, бить жену по закону запрещено, а вот оскорблять ее словесно – нет, вне зависимости от того, как непрерывны эти оскорбления и насколько они эмоционально подавляют.

7. *Случаи с вождением автомобиля в нетрезвом состоянии.* Таких дел – множество, и они, в основном, непохожи на большинство других правонарушений. Трудность в том, что суть основной массы таких правонарушений в обнаружении в крови правонарушителя уровня алкоголя, превышающего допустимую законом норму. Таким образом, нет реальных жертв правонарушения и отсутствует возможность для прямого возмещения ущерба. В таких делах правонарушителем скорее бывает взрослый, чем подросток, взрослый, который искусно и находчиво отрицает свою ответственность. При работе с такими случаями для ведущего особенно важно обладать знаниями о предыдущих правонарушениях. Есть у правонарушителя проблема с алкоголем или нет, вряд ли можно понять из первого правонарушения, но с каждым последующим правонарушением ответ на вопрос становится все более очевидным. Люди, имеющие проблемы с алкоголем, обычно умеют очень убедительно доказывать свою невиновность. Они способны убедить не только других, но и самих себя. Они мастерски могут переложить вину с себя на других, на обстоятельства, среду, на все, что придет на ум.

Проблема, близкая к этой, заключается в том, что представители правонарушителя, а временами и представители жертвы и/или ведущий,

соглашаются с правонарушителем в его отрицании собственной вины. В одном из случаев правонарушитель с готовностью признал, что выпил шесть бутылок пива, и далее намеками внушал всем, что такое количество спиртного не может помешать ни ему, ни любому другому нормальному человеку водить машину. Он подразумевал, что пить в таких количествах – норма, поэтому это не должно быть незаконным. Пока правонарушитель отрицает свою вину, вероятность того, что он почувствует стыд и раскаяние, очень мала. Именно из этого проистекает необходимость искать жертву среди тех, кто пришел поддержать правонарушителя. Любой человек, имеющий проблемы с алкоголем, наверняка, однажды оскорбил или причинил какой-нибудь вред, по крайней мере, кому-то из своих близких. Умело задавая представителям правонарушителя вопросы, ведущий может выявить среди них, по крайней мере, одну жертву. Правонарушителю, как и полагается, нужно задать вопрос о том, есть ли у него проблема со спиртным. Но наибольшее влияние способен оказать вопрос, направленный его близким: «То, что он пьет, было когда-нибудь для вас проблемой?» С помощью такого вопроса возможно обнаружить реальную жертву на конференции, организованной по поводу преступления «без жертвы». Столкновение с этой жертвой может привести правонарушителя к искреннему стыду и раскаянию.

8. *Несколько правонарушителей и правонарушений.* Конференции, на которых присутствует несколько правонарушителей и/или разбираются различные по времени совершения правонарушения, требуют от ведущих гибкости и подвижности в следовании протоколу вопросов, который они в свое время изучили. Жесткое следование этому протоколу, в котором около четырех вопросов, не кажется навязчивым, когда в деле только один правонарушитель и одно правонарушение. Но на конференции с тремя правонарушителями, а одном случае - с тремя разными датами преступлений, эта процедура приобрела механический характер. Задавая каждому правонарушителю по четыре вопроса, ведущий захватил право слова в свои руки вместо того, чтобы устроить спонтанный обмен мнениями между участниками. Один из способов избежать такой дилеммы заключается в том, чтобы задать все вопросы только один раз первому правонарушителю. Потом, вместо того, чтобы повторять их, спросить у остальных правонарушителей, есть ли у них, что добавить. Второй сложный момент, связанный с проведением конференций по нескольким правонарушениям, заключается в выборе очередности, в соответствии с которой будут разбираться правонарушения. На конференции, где мы были наблюдателями, очередность была хронологической. Но такой порядок нарушал принцип значимости переживаний, поскольку наиболее эмоционально нагруженное правонарушение разбиралось не первым, но последним (оно было связано с нападением одного правонарушителя на другого). Тот факт, что об этом правонарушении заговорили в последнюю очередь, фактически свел на нет

дискуссию по предыдущим правонарушениям, поскольку в помещении повисло напряжение между нападавшим мальчиком и пострадавшим. Обсуждение этого правонарушения и достижение соглашения частично разрядили эмоциональную напряженность, но к этому времени было уже поздно говорить о каком-либо эффекте от обсуждения двух предыдущих правонарушений. Опытный ведущий должен предвидеть динамику развития эмоций на каждой конференции для того, чтобы обеспечить ее максимальную эффективность.

9. *Противопоставляйте молчание молчанию.* Многие правонарушители, особенно подростки, скорее будут отмалчиваться, чем активно участвовать в конференции. Они держатся со спокойной, чуть ли не с враждебной отстраненностью. В Аделаиде, на конференции по краже правонарушитель, крупный шестнадцатилетний мальчик, молчал в течение всей встречи, едва отвечая на задаваемые вопросы. Его поза была позой человека, который, как сказали бы маори, испытывает “*whakamaa*”: он опустил голову, уткнув глаза в пол. Однако к концу конференции, когда пришло его время извиняться, он удивил нас всех. Глядя жертве прямо в глаза, он произнес требуемое: «Извините меня за то, что я взял ваши деньги». Но потом он добавил дополнительные извинения лично от себя: «Я не должен был пользоваться своим положением и обманывать вас». Его второе извинение имело для нас особое значение, поскольку была очевидна некоторая умственная отсталость жертвы. Каким образом можно вызвать такую дополнительную реакцию правонарушителя, если ее самостоятельное возникновение не предвидится. Иногда правильно задаваемые уточняющие вопросы могут способствовать появлению нужной реакции. Но ответом на такие вопросы часто может быть молчание. В этих случаях чуткое молчание ведущего поможет больше, чем вопросы. Такое молчание требует от ведущего уверенности в себе, а также иногда необходимости утихомирить других участников, которые спешат заполнить образовавшуюся паузу. Молчание ведущего предоставляет правонарушителю пространство и время поразмыслить. Оно не будет казаться столь навязчивым, как вопросы.

10. *Создайте искусственную задержку после завершения конференции.* Если участники остаются одни (без ведущих, полицейских или наблюдателей) в небольшом замкнутом пространстве, результатом их общения может стать символическое возмещение, даже если такового не произошло на самой конференции.

11. *Проводите упражнения по изучению эмоций.* Для подготовки ведущих важен еще один момент. Существующие в настоящее время тренинги ориентированы на новичков, не имеющих опыта проведения конференций. Необходимо устраивать второй трехдневный тренинг для тех, кто уже проводит конференции, по крайней мере, в течение нескольких месяцев. Второй тренинг поможет ведущим осмыслить те конференции, которые они к этому времени провели, оценить свои удачи и провалы. В от-

личие от первого тренинга, внимание на этом занятии может быть сосредоточено конкретно на эмоциях и отношениях людей на конференции, поскольку опыт работы ведущими подготовит участников к тому, чтобы по достоинству оценить этот подход. Результатом второго тренинга может стать организация продолжающегося наблюдения над работой каждого ведущего.

Составляющей частью каждого из этих «продвинутых» тренингов должно быть исследование области эмоций и переживаний. Войти в эти сферы, возможно, будет нелегко, потому что глубокие эмоции мы обсуждаем редко, а понимаем их и того меньше. Поскольку большинство из нас испытывает смущение при разговоре об эмоциях и переживаниях, для того чтобы избавиться от неловкости, хорошо начать обсуждение, посмеявшись над чем-нибудь вместе. Иногда в таких случаях помогают шутки, но более надежный метод – рассказать участникам тренинга какой-либо комический (а значит связанный со смущением) эпизод из собственной жизни. Такой подход поможет также членам группы идентифицировать себя с тренером, увидеть свое сходство с ним. Без взаимоидентификации в группе процесс обучения обречен быть медленным и скучным.

Заключение

Основные идеи и практика общинных конференций во множестве аспектов в корне противоречат культуре официального правосудия и, на самом деле, культуре нашего общества вообще. Трехдневный, или даже тридцатидневный тренинг не даст его участникам возможности полностью отказаться от тех верований и привычек, с которыми они выросли и начали профессиональную карьеру. Не научит он сразу же и гармоничному сотрудничеству с коллегами. Понадобится продолжать образование в этой области, при условии, конечно, что знания, приобретенные на тренинге, не будут сброшены как ненужный груз. События на конференции развиваются очень быстро, их ход запутан и зачастую неоднозначен. Это потребует проявления чудес изобретательности и находчивости от любого, даже умеющего успешно работать в группе человека. Необходимо серьезно продумать тренинги для ведущих и систему наблюдения за их работой.

Кто должен проводить общинные конференции? У нас нет рекомендаций по поводу того, кто должен исполнять роль ведущего конференции: полицейский, социальный работник или медиатор. Однако кто бы ни был избран для этой роли, важно, чтобы на ранних этапах (планирование передачи дела из судебных органов на конференцию) полиция была бы вовлечена в процесс и стала бы неотъемлемой частью новой программы. Поскольку полицейские первыми вступают в контакт с правонарушителем, от степени их сотрудничества зависит, будут они способствовать или мешать передаче дела для проведения конференции. Мы советуем также, вне зависимости от того, кто будет вести конференции, проводить для этих людей

специальную подготовку, направленную на формирование умения выявлять и справляться с различными эмоциями (как обозначено выше, в п.11). Конференции призваны постепенно трансформировать доминирующую культуру официального правосудия настолько, что полицейские и другие возможные ведущие встреч приобретут знания и навыки, необходимые для успешного проведения конференций. Такая трансформация, вместе с общинно-созидающим действием и усилением контроля над преступностью, суть три великие цели движения за конференции. Именно поэтому за подготовкой ведущих и наблюдением за их работой скрывается возможность фундаментальных перемен в нашем обществе.

В этой статье была изложена стратегия по увеличению эффективности общинных конференций, как с точки зрения контроля над преступностью, так и с точки зрения подготовки ведущих. Такие конференции – это вид искусства среди появившихся нововведений, позволяющих контролировать рост преступности. Возможно также, что использование различных эмоций, проявляемых участниками, для того чтобы способствовать возникновению взаимоидентификации и устойчивых социальных связей между ними, может найти свое применение не только в работе по сокращению количества преступлений, но и в других областях. Нижняя граница диапазона применения – индивидуальная и семейная терапия, а также консультации по проблемам и вопросам брака. Идею «восстановительных действий» можно использовать не только для восстановления отношений между клиентами различных служб, но и между клиентом и человеком, предоставляющим ему профессиональные услуги. Эта же самая идея может оказаться важной и в образовательном процессе для создания устойчивых связей между учителем и учениками, что, в свою очередь, обеспечит более быстрое и глубокое обучение. Наконец, верхняя граница диапазона – использование формата конференций для разрешения групповых, например, международных, споров. Очень важно помочь человеку высказать болезненные эмоции, делающие его ранимым и уязвимым, не менее важно также переформулировать выражаемые им агрессивные эмоции. Внедрение техник по такой работе с эмоциями может способствовать появлению нужных инноваций в области разрешения конфликтных ситуаций.

Мы благодарим Джона Брейтуэйта за его полезные комментарии.

- Braithwaite, J. (1989). *Crime, Shame and Reintegration*. Cambridge. UK: Cambridge University Press.
- and S. Mugford (1994). "Conditions of Successful Reintegration Ceremonies." *British Journal of Criminology* 34:139-171.
- Elias, N. (1983). *The Civilizing Process* (3rd edn.). New York, NY: Vintage.
- Goffman, E. (1967). *Interaction Rituals*. New York, NY: Anchor.

- Horowitz, M. (1981). "Self-Righteous Rage and Attribution of Blame." *Archives of General Psychiatry* 38:1233-1238.
- Kohut, H. (1971). *Thoughts of Narcissism and Narcissistic Rage. The Search for Self*. New York, NY: International University Press.
- Labov, W. and D. Fanshel (1977). *Therapeutic Discourse*. New York, NY: Academic Press.
- Lewis, H.B. (1971). *Shame and Guilt in Neurosis*. New York, NY: International Universities Press.
- Lynd, H. (1958). *On Shame and the Search for Identity*. New York, NY: Harcourt.
- Metge, J. (1986). *In and Out of Touch: Whakamaa in Cross Cultural Perspective*. Wellington, NZ: Victoria University Press.
- Moore, D. (1993). "Shame, Forgiveness and Juvenile Justice." *Criminal Justice Ethics*. Winter/Spring:3-25.
- O'Connell, T. (1994). Personal communication. December.
- Retzinger, S. (1991). *Violent Emotions*. Newbury Park, CA: Sage.
- Scheff, T. (1990). *Microsociology*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- (1994). *Bloody Revenge*. Boulder, CO: Westview Press.
- and S. Retzinger (1991). *Emotions and Violence*. Lexington, MA: Lexington Books.
- Schneider, C. (1977). *Shame, Exposure, and Privacy*. Boston, MA: Beacon Press.
- Shaver, P.R., S. Wu and J.C. Schwartz (1992). "Cross-cultural Similarities and Differences in Emotions and Their Representation." In: M.S. Clark (ed.), *Review of Personality and Social Psychology*, Vol.13. Newbury Park, CA: Sage.
- Tavuchis, N. (1991). *Mea Culpa: The Sociology of Apology and Reconciliation*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Tomkins, S. (1963). *Affect, Imagery, Consciousness*, Vol. 2. . New York, NY: Springer.

Перевод Н.Хариковой